

**МЕЖДУ СОПЕРЕЖИВАНИЕМ И ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕМ:
МУЖСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНСКОМУ УСПЕХУ В СССР
(1920–1930-е гг.)**

М.И. Мирошниченко

В статье освещается эмоциональное восприятие в различных слоях мужского социума женского успеха, связанного с выходом женщин из частной сферы в публичную в результате проводимой большевиками политики вовлечения женщин в традиционно маскулинизированные области деятельности: в органы государственной власти и управления, в «мужские» профессии. Выявлены модели типичных видов отношений мужчин, показан спектр чувств: от сопереживания, стремления помочь, восхищения до чувства превосходства, пренебрежения, стремления к унижению вплоть до унижения и физического насилия.

Ключевые слова: эмоции, чувства, история эмоций, гендерная история, женщины, мужчины.

Эмоции и чувства как проявление отношения к деятельности являются важнейшим маркером отношения людей к принятым политическим решениям, тем самым опосредовано влияя на направления течения политических процессов. Всякая психика социальна, поскольку она обуславливается общественно-политической средой [21].

Обращение к истории эмоций открывает исследователям богатейшую сферу неизведанного, terra incognita – человеческие души как объект исторического интереса. Прикосновение через анализ текста посредством выявления эмотивов дает возможность исследователям воссоздать новый аспект исторической реальности, «возвратив» человека в историю.

Поскольку эмоции ярко выражают духовные запросы и стремления, постольку их изучение представляет академический интерес с позиций истории повседневности. Характеристика бытийности сознания личности будет неполной без реконструкции чувственного тона, общих черт и своеобразия типичных и особенных проявлений эмоциональных состояний.

Исторические исследования, созданные как в рамках советского историко-партийного дискурса, так и в ракурсе спектра новых методологических подходов в рамках «антропологического поворота» включают разной степени широты и глубины обращения к эмоциональным моментам. Исследователи отмечали эмоциональные оттенки изложения в воспоминаниях [13, 22], эмоциональную подоплеку конфликтных ситуаций [1, 2], характеризовали отдельные чувства – чувство меры и самоиронии [23], счастья, гордости и классовой бдительности [13] и т.п.

В сфере региональных исследований на уральском материале эмоциональная составляющая взаимоотношений была замечена и исследователями деятельности ВКП(б) среди женщин в эпоху социалистического строительства [7, 10], и специалистами по гендерной и женской истории в дореволюционный период [19], и демографами [9].

Обзор состояния зарубежной историографии по проблеме становления истории эмоций как особой отрасли современной исторической науки в России и зарубежом, включая освещение дискуссии о целесообразности превращения эмоций в самостоятельный объект исторического исследования, принадлежит Я. Пламперу [20, с. 11–24].

Появление «новой культурной истории» во второй половине XX в. сделало возможным обращение к сложному взаимодействию разнообразных аспектов человеческого существования, связанных с поведением людей и технологиями, искусством и религией, бытовыми принадлежностями и манерой говорить, идеями и нормами общества. Это позволяет исследователям осмыслить исторический опыт людей – главных участников исторического процесса, раскрыть механизмы передачи культуры через поколения, трансформации культурной памяти в истории. «Антропологический поворот», то есть сдвиг исследовательских интересов к изучению ментальных представлений, стереотипов восприятия и поведения, моделей мышления, символических систем, обычаев, ценностей, в которых воспринималась и передавалась людьми прошлого современная им жизнь, с одной стороны, и расширение содержания самого понятия «социального», изучение в рамках социального социальных микроструктур (малых сообществ – семьи, общины, прихода, соседства и т.п.), с другой, проявил стремление к созданию такой истории, в которой отражался бы исторический опыт людей, их переживания, оттенки восприятий, чувства, эмоции.

1920-е гг. – первая половина 1930-х гг. являют собой период кризиса идентичности, развивавшегося в обстановке радикальных трансформа-

ций в результате Октября 1917 г., Гражданской войны и новой волны радикальных перемен со второй половины 1920-х гг. Одним из ярких явлений этого времени, вызывавших в первую очередь скорее эмоциональный, нежели рациональный отклик, было установление нового статуса женщин.

Грубость как доминирующее демонстративное проявление чувств вседозволенности, неуважения зачастую встречало работниц, пришедших на производство. Так, в ноябре 1922 г. два конфликта работниц с десятниками из-за грубого обращения десятников были рассмотрены Челябинским губернским отделом по работе с женщинами [16, л. 64]. Чувство пренебрежения, выразившееся в первую очередь обидными насмешками, остро воспринималось женщинами. Делегатки I челябинского окружного съезда работниц и крестьянок 3 октября 1927 г. в своих выступлениях отмечали: «Мы часто на заседании сельсоветов видим, как мужская часть состава совета посмеивается над женщиной» [8, л. 21]. В 1931 г. на заводе «Угольник» работницы чищального цеха неоднократно подавали жалобы на мастера Голомидова: «Он часто доводит до слез работниц. Работница говорит о неисправности машины и просит исправить, а он говорит, что машина исправна и работать на ней можно. Доведя работницу до слез, он соглашается и принимается за исправление» [11]. На том же предприятии иногда высмеивались и просьбы работниц об улучшении условий труда (в чищальном цехе шерстяная пыль кучами лежала на полу, на стенах, на работницах) [12].

Чувства свободы, ощущение собственной значимости возникало у женщин в связи с получением права посещения крестьянских сходов, приглашений на женские и делегатские собрания. Характерным было для 1923–1925 гг. стремление мужей запретить женам выход в публичную сферу: «На собрания крестьянки ходят редко, сходы если посещаются, то больше крестьянками, самостоятельно ведущими хозяйство и не имеющими мужей...» [7, с. 37]. Крайние проявления собственнических чувств, иногда доходившие до смешного, даже нашли отражение в анекдотах. Анекдот «Новое средство» был опубликован в 1926 г. в газете «Вперёд»: «Чего это Егор на дерево лезет? / Женины сапоги прячет, чтобы его баба не могла сегодня на женское собрание в город отправиться» [5].

Успехи в личностном самовыражении женщин в первой 1920-х гг. часто сопровождалась завистью мужчин; пренебрежением, порожденным чувством превосходства; стремлением подчинить, подавить волю своих женщин, женщин из своих семей: «Над депутатскими обязанностями женщин смеются, считая это “бабьей блажью”, применяют меры супружеского воздействия... Битые есть везде» [7, с. 37]. На «нетоварищеские замечания и выходки» жаловались на общегородском делегатском собрании в 1922 г. работницы одного из заводов в Челябинске [15, л. 6]. Очень час-

тые случаи избияния женщин-делегаток отмечались в 1924–1925 гг. в Красноуфимском и Манчажском районах Кунгурского округа [26, л. 9].

Чувство неприятия, отторжения было настолько велико, что зачастую «с водой выплескивали и ребенка», отрицая в большевистской политике в женском вопросе рациональные зерна. Характерна позиция корниловца А.Р. Трушновича, высказанная им в 1921–1922 гг., который в посещениях женщинами клубов, досуговых праздничных мероприятий («увеселений»), вовлечении их в управление, отказывая женщинам в праве выбора, в свободе самим распоряжаться своей жизнью, видел лишь способ разрушения семейных отношений [25].

Чувство мужского превосходства иногда выражалось прямо и без всяких аргументов. «...Нам бабу не надо, – такова была позиция председателя одного из сельсоветов Пермской губернии в марте 1924 г. в ответ на попытки женработниц выяснить причину игнорирования депутаток, избранных в совет (их не приглашали на заседания, не привлекали к практической работе совета, поручая им в лучшем случае писать повестки гражданам и разносить их), – мы обо всем ее не извещаем» [7, с. 38]. В одном из поселков Селевского района Челябинского округа в 1925 г. женщина-председатель сельсовета с работой справлялась хорошо, все задания сельсовет выполнял первым. Но кандидатура «женского председателя» на второй срок была провалена из-за насмешек мужчин из других селений: «Вами правит баба» [15, л. 38–39]. Отношения нетерпимости сохранялись и в конце 1920-х гг.: «Не терпит мужская часть нашего населения, частично даже и партийная, женщину на руководящем посту. Всячески старается вставлять ей палки в колеса. К женщине-работнице предъявляются чрезвычайные повышенные требования» [3, с. 116]. Начальник инструментального цеха завода им. Ф.Э. Дзержинского в Перми в начале 1930-х гг. уничижительно заявлял, что он «...не позволит поганить свой цех приемом в него баб» [10, с. 136].

Чувство равнодушия, непонимания легким рефреном сопровождало новый вид партийной работы – работу среди женщин, служившую первым, самым доступным и самым верным «социальным лифтом» женского успеха. На пятом году ее ведения многие коммунисты Челябинска все еще не считали женскую работу частью партийной деятельности [17, л. 24]. На женских конференциях в Красноуфимском и Манчажском районах Кунгурского округа в феврале 1925 г. также отмечалось, что в ряде сельсоветов работники «не понимают» прав женщины [26, л. 9]. Недостаточное понимание задач партии по работе среди женщин со стороны отдельных партийцев в Челябинском округе сохранялось и в 1926 г. [18, л. 168].

Господствующим было и чувство недоверия. В полной мере испытала его на себе бригадир женской бригаде из 10 чел. в шишкарном переделе

завода «Механик» Галкина, пришедшая в 1929 г. на завод неграмотной, простой работницей. Она освоила ликбез, стала ударницей, была выбрана бригадиром, создала женскую бригаду: «Как водится, сначала относились к бригаде с недоверием, считали, что работницы ее бригады не справятся, – “бабы”, дескать. Но бригада доказала на деле, теперь у них нет ни одного прогула. Она включилась в соревнование, взяла на буксир отстающий цех по выполнению производственной программы и изжитию брака» [12].

Чувство лёгкого превосходства проявилось в признании в 1927 г. предубеждений в отношении способности женщин вдумчиво, глубоко оценивать ситуацию и принимать решения. С долей удивления мужская часть челябинского окружкома ВКП(б), оценивая работу Первого челябинского окружного съезда работниц и крестьянок 3 октября 1927 г., констатировала: «Съезд сверх ожиданий носит серьезный и деловой характер» [8, л. 35].

Женщины в исследуемый период достаточно стесненно чувствовали себя в чисто мужском коллективе. Прийти в помещение, где находились одни мужчины, и выяснять какой-либо волнующий вопрос было непросто. Уровень внутренней культуры выступал регулятором чувств в оценке поступков женщин и в отношении к ним в подобных ситуациях. Так, вспоминая отношение к себе, ученице токаря по металлу в 1924 г. на заводе «Механик» в г. Тюмень, Н.Г. Шуклина отмечала: «Старые рабочие потечески приняли меня, всячески старались помочь. ...За время работы на заводе я не слышала нецензурной брани» [6, л. 13]. Чувство уважения стало подоплекой решения мужчин в одном из сельсоветов Челябинского округа в 1926 г.: «К нам в сельсовет приходят женщины. Пора положить конец матерщине» [5]. Чувство уважения, гордости, ощущения равного нашло отражение в другом анекдоте, также опубликованном в газете «Вперед» в 1926 г.: «Тьфу! У нас не председатель. А баба! – Кто такой? – Семён Пыркин./ – Ну, а у нас не баба, а председатель! – Кто? – Агафья Соколова!» [5].

По мере наращивания темпов социалистического строительства все больше женщин работали слесарями и токарями по металлу, трактористами, конюхами, возчиками, ломовыми извозчиками, наборщиками; проводчиками и линейными сторожами на железной дороге; плитовыми, откатчиками и т.п. Многим из них, овладевая считавшимися неженскими профессиями, приходилось воспринимать негативные эмоциональные реакции, доказывать свое профессиональное мастерство и самодостаточность, отстаивать свое право на равную оплату, преодолевая косность представления окружающего мужского коллектива.

Таким образом, в палитре эмоций и чувств представителей мужского социума, определяемых последовательной политикой вовлечения женщин в работу государственных властных органов, в производство, в том числе

в 1930-е гг. в тяжелую промышленность, агрессивность, являющаяся, как известно, разновидностью фрустрации, свидетельствовала о том, что часть мужчин испытывали состояние дезорганизации сознания и деятельности. Вряд ли некоторая тень безнадежности, утраты перспективы, присущая состоянию тревожности в условиях постоянной неопределенности в связи с угрозой безработицы, наложившись на ситуацию системного кризиса ценностей, являла собой предвестницу депрессивных состояний. Скорее имел место культурный шок, вызванный радикальным сломом привычных стереотипов наряду с желанием «стравить пар» от собственных семейных проблем, девиантным способом вытравить горечь своих воспоминаний о поражениях в отношениях с противоположным полом. Такие астенические чувства порождались ощущением отсутствия самодостаточности и противоречиво отражались на женской работе, с одной стороны, деструктивно – деморализуя женщин, ослабляя их активность, с другой стороны, повышая самодисциплину, порождая стойкость, оттачивая способность к противостоянию, закаляя характер бойца.

Библиографический список

1. Балакин, В.С. Власть и ученые-экономисты в СССР: интеллектуальная оппозиция и конформистский дискурс (вторая половина XX в.) / В.С. Балакин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11–1. – С. 125–129.
2. Балакин, В.С. Российская наука на рубеже веков: институциональные особенности, механизм самоорганизации и личностный фактор / В.С. Балакин // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVII–XIX вв. // XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки, доктора исторических наук. Профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. В 2 т. – Т. 1. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2014. – С. 10–16.
3. Баранова, А. Женщины Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале) / А. Баранова, З. Сибирячка. – Свердловск: Издание Отдела работниц и крестьянок и Истпарта Уралобкома ВКП (б), 1928. – 120 с.
4. Бессмертный, Ю.Л. Проблема / Ю.Л. Бессмертный // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М.: РГГУ, 2000. – С. 7–15.
5. Вперед: Орган Троицкого окружного комитета ВКП(б) и Троицкого окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1926. – 14 августа.
6. Воспоминания Шуклиной Н. Г., члена КПСС с 1927 г., одной из первых пионервожатых г. Тюмени, райженорганизатора. 1974 г. // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. – Ф. 4058. – Оп. 2. – Д. 51. – Л. 2–35.

7. Горнова, Г.Ф. Вовлечение женщин Урала в работу Советов (1923–1925 гг.) (По материалам Свердловского, Пермского, Челябинского и Тюменского округов) / Г.Ф. Горнова // Ученые записки Пермского ун-та. – № 215: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Я.Р. Волин. – Пермь: ПГУ, 1969. – С. 33–46.
8. Государственный архив Свердловской области. – Ф. Р–88. – Оп. 1. – Д. 801.
9. Журавлева, В.А. Отношение к религии городского населения Урала (по предварительным итогам Всесоюзной переписи населения 1937 г.) / В.А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2010. – № 8 (184). – Вып. 14. – С. 11–14.
10. Коваленко, А.И. Делегатские собрания как важнейшие формы массового вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь (1929–1932 гг.) / А.И. Коваленко // Ученые записки Уральского университета. – 1970. – № 103. – Серия: «История». – Вып. 18: «Из истории партийных организаций Урала». – С. 132–141.
11. Красное знамя: Орган Тюменского городского комитета ВКП(б), городского совета и городского совета профессиональных союзов. – 1931. – 8 марта.
12. Красное знамя. – 1933. – 8 марта.
13. Нарский, И.В. «Мы были счастливы!». Женские семейные мемуары как источник по российско-советской истории XX в. / И.В. Нарский // Проблемы истории российского социума / науч. ред. О.С. Нагорная. – Челябинск: Южно-Уральский институт управления и экономики, 2011. – С. 38–49.
14. Нарский, И.В. Между советской гордостью, классовой бдительностью и культурным шоком: американские гастроли Народного ансамбля танцев «Самоцвет» в 1979 г. / И.В. Нарский // Государственно-политические парадигмы истории России: материалы Межвузовской научно-практической конференции / науч. ред. О.С. Нагорная. – Челябинск: Южно-Уральский институт управления и экономики, 2013. – С. 30–49.
15. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. П–77. – Оп. 1. – Д. 422.
16. ОГАЧО. – Ф. П–77. – Оп. 1. – Д. 593.
17. ОГАЧО. – Ф. П–77. – Оп. 1. – Д. 761.
18. ОГАЧО. – Ф. Р–429. – Оп. 1. – Д. 11.
19. Пушкарева, Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (К истории дворянской повседневности конца XIX – начала XX в.) / Н.Л. Пушкарева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология. – 2015. – № 13 (210). – С. 133–141.
20. Плампер, Я. Эмоции в русской истории / Я. Плампер; пер. Н. Гадаловой и Я. Плампера // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 11–36.

21. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история [Электронный ресурс] / Б.Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1966. – URL: <http://fanread.ru/book/3955914/?page=1>.
22. Сибиряков, И.В. История ЮУрГУ в устных воспоминаниях / И.В. Сибиряков // Наука. Южно-Уральский государственный университет: материалы 65-й научной конференции. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – С. 206–210.
23. Сибиряков, И.В. Евгений Гришковец как «зеркало» современной российской художественной интеллигенции / И.В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 49–52.
24. Пушкарева, Н.Л. Мир чувств русской дворянки конца XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера / Н.Л. Пушкарева // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М.: РГГУ, 2000. – С. 85–119.
25. Трушнович, А.Р. Воспоминания корниловца. Ч. III: В Советской России. Голод 1921–1922 гг. [Электронный ресурс] / А.Р. Трушнович // Добровольческий корпус. – URL: http://www.dk1868.ru/history/zap_korn3.htm.
26. Центр документации общественных организаций Свердловской области. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 598.

[К содержанию](#)